

Лекарь оказался человеком медлительным. С тяжелой аптечкой через плечо он семенил, покачиваясь из стороны в сторону; его короткие ножки двигались часто, но продвигался он черепашьям шагом.

Чжао Фан не выдержал, закинул лекаря себе на плечо и бегом пустился во внутренний двор.

Он приказал Цзисяну, другому слуге, запереть героя в дровяном сарае. Тот находился в северо-западном углу резиденции маркиза – в самом уединенном месте, куда обитатели дома почти никогда не заглядывали.

Стояла глубокая осень. Холодный ветер завывал, полосуюя лицо, словно острым ножом.

Хотя Чжао Фан чувствовал себя сносно, дыра в затылке давала о себе знать: сквозняк неприятно холодил рану, отдавая резкой болью в голове. Прибавьте к этому груз в пятьдесят с лишним килограммов на плече – ощущения те еще.

Наконец они добрались до сарая. Обливаясь потом и задыхаясь от усталости, Чжао Фан распахнул дверь и поторопил лекаря:

— Живо... взгляни на него.

Главный герой валялся на полу, как ненужный хлам. Несмотря на холод, на нем была лишь ветхая тонкая одежда, из которой он давно вырос – локти и щиколотки оставались открытыми.

Лекарь подошел, проверил дыхание мальчика и нахмурился. Пощупал пульс – морщины на его лбу стали еще глубже. — Не жилец он.

Чжао Фан тут же выудил из кармана слиток серебра и всучил старику.

Лекарь взвесил серебро на ладони:

— Ну, я сделаю всё, что в моих силах.

Чжао Фан добавил еще один слиток:

— Не просто «в силах», он обязан выжить.

Он буквально вырвал этого парня из рук главной героини. В ее руках он бы выжил, значит, и у него умереть не должен, иначе получится, что это он его погубил.

Живой человек всё-таки. Чжао Фан был образованным молодым человеком из правового общества, он не мог, подобно прежнему владельцу тела, так легко распоряжаться чужими жизнями.

Увидев увесистое серебро, лекарь расплылся в улыбке, став похожим на сморщенную хризантему:

— Обязательно выживет.

Потребовалось немало усилий, чтобы привести героя в порядок, отмыть его и обработать раны. Чжао Фан без сил опустился рядом, не в силах шевельнуть даже пальцем.

Лекарь выписал рецепт, проинструктировал, как давать лекарства и что делать в случае жара, после чего, прихватив серебро, благополучно откланялся.

Видя, что герой не просыпается, несмотря на все манипуляции, Чжао Фан снова потянулся проверить его дыхание.

Кажется...

Вроде бы...

Жизнь еще теплилась, но дыхание было настолько слабым, что Чжао Фан засомневался, не почудилось ли ему.

Пока он раздумывал, не позвать ли другого врача, он вдруг почувствовал на себе ледяной взгляд. Прежде чем он успел среагировать, его палец пронзила невыносимая боль!

— А-а-а!

Чжао Фан вскрикнул и инстинктивно попытался отдернуть руку, но юноша вцепился в него мертвой хваткой, словно бешеная собака.

От боли в глазах посыпались искры. Чжао Фан на автомате схватил нападавшего за челюсть.

Герой был тяжело ранен и истощен, у него не было сил противостоять Чжао Фану; этот внезапный укус забрал у него все остатки жизненной энергии.

Наконец Чжао Фан высвободил руку. Указательный палец онемел от боли. — Черт, ты что, пес цепной?

— Я к нему со всей душой: лекаря нашел, сам переодел, обмыл... Я в жизни ни за кем так не ухаживал!

— А ты?! Отплатил укусом! Чистой воды «крестьянин и змея»!

От боли Чжао Фан совершенно забыл, что прежний владелец тела задолжал герою жизнь, и возмущался с полным правом праведника.

Юноша не знал басни о крестьянине и змее. Он знал одно: перед ним враг, и он должен отомстить.

Глядя на дрожащий палец Чжао Фана, он думал о том, что надо было укусить сильнее – отхватить этот палец, разжевать и проглотить!

Чжао Фан злился, но в глубине души понимал: глупо ждать, что герой так быстро простит ему смерть кормилицы. Это было не в его характере.

— Ладно, не смотри на меня так. Ты пробил мне голову, я теперь без пальца остался – квиты, может, сменишь гнев на милость?

— Да и что ты мне сделаешь? С твоим-то телосложением... Не поддавайся я тебе, ты бы и сдачи дать не смог.

С этими словами Чжао Фан нарочито выпрямился.

Хотя герою на тот момент было уже четырнадцать, из-за хронического недоедания он выглядел на одиннадцать-двенадцать. Чжао Фан же, росший в сытости, был старше всего на два года, но выше на целую голову.

По габаритам герой явно проигрывал.

Однако Чжао Фан прекрасно понимал: дети, годами выживавшие на улице среди нищих, постоянно сталкивались с опасностями. У них были отточены навыки выживания, и такой «домашний кот», как он, вряд ли бы сдюжил против «лесного кота» в настоящей схватке.

Из-за травмы четвертая молодая госпожа дала Чжао Фану две недели отдыха.

Мать Чжао завалила его вкусностями и безделушками, отец Чжао тоже заглядывал проводить сына. Слуги всех мастей потянулись к нему с визитами, и вскоре у Чжао Фана скопилась гора подарков.

Когда посетители разошлись, Цзисян и Фугуй, жившие с ним в одной комнате, тут же принялись разбирать подношения. — Брат Чжао, классная штукавина, дай поиграть на пару дней.

— Брат Чжао, тебе кто-то румяна прислал! Хотят из тебя красну девицу сделать? Ха-ха!

— ...

Цзисян и Фугуй наперебой подшучивали над ним, попутно растаскивая подарки.

Вдруг Фугуй вспомнил:

— Точно, брат Чжао. Ты просил меня устроить похороны той старухи и купить гроб. Ты мне за это двадцать лянов серебра задолжал.

Чжао Фан: — ...

— А ты не боишься еще больше приврать?

Фугуй хихикнул:

— У брата Чжао глаз – алмаз. На самом деле ушло десять лянов, но мне же пришлось искать людей, чтобы несли гроб, выбирать место на кладбище... Столько трудов! Ты же не дашь мне остаться в убытке?

С этими словами он тайком спрятал изящный маленький кинжал в рукав.

Чжао Фан знал о жадности Фугуя, но притворился, что ничего не заметил:

— Ладно-ладно, запиши в долг. Верну, как только деньги появятся.

Фугуй охотно согласился. Он всё равно приписал лишнего: дешевый гроб и услуги могильщиков обошлись всего в пять лянов. Чистая прибыль – пятнадцать лянов. Выгодная сделка.

Цзисян поллюбопытствовал:

— Брат Чжао, почему ты так добр к этому пацану? И приютил, и мать его похоронил.

Чжао Фан не знал, как это объяснить. Не скажешь же, что он просто хороший человек – эти двое со смеху помрут.

Он прихлебнул чаю, подбирая предлог, но тут вмешался Фугуй:

— Так брат Чжао на него глаз положил!

??

Положил глаз?

Чжао Фан на секунду оцепенел, а потом приснул чаем прямо в лицо Фугую:

— Твою мать! Что ты мелешь?! Я мужик, как я могу «положить глаз» на парня?

Он, Чжао Фан, был настоящим натуралом, у него даже девушка была!

Фугуй, явно не ожидавший такой бурной реакции, искренне удивился:

— Тебе что, не нравятся мужчины?

Чжао Фан отрезал:

— Нет.

Фугуй не унимался:

— Тогда зачем ты втихаря картинки Лунъян разглядываешь?

У Чжао Фана глаза на лоб полезли:

— Какие еще картинки Лунъян?

Хотя у него была память прежнего владельца, она касалась в основном общих фактов – биографии, окружения. Чтобы вспомнить что-то более интимное, нужно было хорошенько покопаться в памяти.

Видя его недоумение, Фугуй хмыкнул:

— Прикидывайся дальше. Я сам видел, под кроватью прячешь.

— Не веришь? Сейчас покажу.

Фугуй нагнулся, вытащил из-под кровати деревянный ящик Чжао Фана и вышвырнул из него всю одежду. Ящик казался пустым.

Цзисян заглянул внутрь:

— Да тут же ничего нет.

<http://bllate.org/book/18123/1739312>